

18+

ТАТЬЯНА ДОБРОХОТОВА

КОГДА
СБЫВАЮТСЯ
МЕЧТЫ...

Татьяна Доброхотова
Когда сбываются мечты...

«Издательские решения»

Доброхотова Т.

Когда сбываются мечты... / Т. Доброхотова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748744-7

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Женский авантюрный роман. Комедия заблуждений. Главная героиня находит на улице крупную сумму денег и начинает не вполне адекватно воспринимать события вокруг. Дальше действие разворачивается в Египте.

ISBN 978-5-44-748744-7

© Доброхотова Т.
© Издательские решения

Когда сбываются мечты...

Татьяна Доброхотова

Герои и обстоятельства выдуманы мной.

Все совпадения – кажущиеся.

Дизайн обложки Дарья Кагарлицкая

© Татьяна Доброхотова, 2016

ISBN 978-5-4474-8744-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сеял мелкий противный дождик, осень в этом году после удушающей летней жары воспринималась особенно унылой и длинной. Мокрые, блестящие улицы казались золотистыми от электрических фонарей. Последние, кое-где оставшиеся на деревьях листья шуршали при особенно сильных порывах ветра и падали вниз, под ноги.

Лена медленно шла от Александровского сада в сторону Калининского. На душе было как-то грустно и неуютно. И не только погода была тому виной, хотя осенний депрессняк – явление для большого хмурого города обычное. С годами как-то все меньше и меньше интересного в жизни происходит. Делаешь все, что должна, бытовые проблемы решаешь, о близких заботишься, а вот драйв, ожидание каких-то перемен, как в юности, уже нет, пропадают, теряются за каждодневными заботами и делами.

Позади остались станция метро Библиотека имени Ленина, Военторг, Дом Дружбы, такой маленький серый особнячок с морскими ракушками на стенах, с собственным крошечным двориком. Когда-то она слышала, что эту копию португальского дворца кто-то из родственников Саввы Морозова выстроил для своей любовницы, то ли турчанки, то ли испанки, чтобы ей было уютно тут, среди холодной Москвы, так непохожей на ее теплую родину. А вот для нее, для Лены, замок уж точно никто никогда не построит. Не те сейчас времена, не те люди. Представив себя на секунду среди роскошных восточных интерьеров, Лена даже немного повеселела. Пусть не построит, зато вот можно помечтать.

Стрелки на часах почтамта показывали примерно без двадцати десять.

Нет, жаловаться, конечно, в ее положении не стоит, только Судьбу гневить. По большому-то счету, можно сказать, все хорошо. Сын вырос, уже студент, играет за престижный московский спортклуб. Мама, слава богу, чувствует себя весьма и весьма бодрой дамой. В финансовом плане не сказать, что очень хорошо, но на жизнь уже ставшую привычной хватает, и слава Богу!

Егора они с мамой сами растили, без отца. С мужем Лена еще очень давно поругалась, когда малышу всего полгода было. Пока дед был жив, он тоже внуком занимался, а потом уже они вдвоем, две женщины мальчишку поднимали. Егор только в двенадцать лет со своим родным отцом познакомились.

Но есть в таком положении вещей и свои положительные стороны. Сын полностью их с мамой, похож на них, их словами разговаривает, их жизненные принципы исповедует, недостатки в нем тоже все понятные и объяснимые, можно сказать, общесемейные. Еще неизвестно, каким бы он при папе стал, может и не добился бы ничего, распустился.

В общем, все как у всех, или почти у всех. Только вот последнее время все это не вызывает радость, как раньше, и законную гордость собой: вот молодец, выстояла, детеныша вырастила одна, да какого – ого-го! Третий уже год пошел, как сын школу закончил. А ощущения

такие, как будто она, словно лошадь на ипподроме, бежала-бежала, да вдруг на полном скаку остановилась и в стену кирпичную уперлась. Раньше весь день был по минутам расписан: уроки, тренировки, репетиторы. Теперь, вроде, можно и отдохнуть, но не получается, скучно, тоскливо. Кажется, что никому уже она не нужна, не интересна, старость пришла. А какая старость, когда и физически еще все в порядке, и по внешнему виду все лет на десять меньше дают, чем на самом деле есть.

Подруга Наталья, с университета знакомы, дочь у нее на год моложе Егора, когда Алиска в последнем классе училась, испугалась даже.

– Я, – говорит, – когда моя пристроится, обязательно найду, чем заняться. На латинские танцы ходить буду, и на танец живота, от него, слышала, если даже всего двадцать минут в день заниматься, худеют очень. Еще путешествовать буду по всему миру, наслаждаться жизнью, в общем.

Алиска сейчас тоже уже на втором курсе учится, в МГУ, и почти на том же факультете, что и они с Натальей заканчивали, а маманя ее, как не брала отпуск последние пятнадцать лет, так и сейчас не берет. Уж, какие тут путешествия и танцы.

Ладно, с Наташкой все понятно, она всегда трудоголиком была, для нее работа – самое в жизни главное. Да и Алиску поначалу одна тоже, сама поднимала, вот и сейчас, видимо, обязываться ни у кого не хочет. Правильно, конечно, только скучно как-то, беспросветно все.

Наташка говорит, что в работе спасение, что Лене тоже работу поискать стоит, сразу жизнь в более яркие тона окрасится. Так-то оно так, конечно. Только кому сейчас э-э-много-летняя дамочка нужна, которая лет пятнадцать уже не работает, да еще с дипломом философского факультета МГУ, с которым и в прежние, еще брежневские времена, работу сложно найти было. Это Наташа давно уж как банкиршей стала, да и то первые лет десять на посылках бегала, пока базовое образование не получила. Тоже диплом любимого универа ей не сильно пригодился. Может, Алиске ее больше повезет.

Пару лет назад Лена зарегистрировалась в Одноклассниках. Как и всем, интересно было, кто из сокурсников чего с таким экзотическим дипломом достиг. Как оно там устроилось, поколение, которое училось еще в застой, причем марксистко-ленинской философии, а живет уже вот, можно сказать, при почти развитом капитализме. Оказалось, по-разному все. Но очевидная закономерность выявилась: более-менее материально преуспели те, кто в рекламу подались. Оказывается, наше поколение философов у истоков пиарной деятельности в России стояло. Вот так интересно: из философов – в пиарщики, видимо общее что-то между этими сферами деятельности есть. Правда, – это лучшие из наших там окопались, можно сказать, самые талантливые. А вообще среди ее однокурсников и попы есть, и заведующие кафедрами, самыми престижными, и не только на нашем континенте расположенными, ректоры, деканы, директора институтов. Правда, и таких никчемных, как она, Лена, тоже хватает. Особенно среди женщин. Доля видимо такая женская, незавидная.

И с сыном последнее время все труднее становится. Парня, конечно, тоже понять можно. Он давно уже, лет с пятнадцати самостоятельной жизнью живет, взрослее своих сверстников и внешностью, и поведением. Конечно же, это от спорта все. Профессиональный спорт много дает: здоровье, красоту, уверенность, характер. Но и требует тоже немало.

Как Егор говорит, каждый спортсмен делает что-то, что обычным людям не под силу, поэтому на него и смотреть приходят. Для этого не только физические данные требуются, но и сила духа, чтобы устоять, удержаться, не сломаться. На площадке нужно быть зверем, убийцей, только тогда у тебя что-нибудь получится. Понять, конечно, можно, только у каждой медали другая сторона обязательно есть. Дома от него требуют других качеств: ласковости, послушания, снисходительности. Вот и забывает Егор иногда, где находится, путает, какие черты характера на стадионе проявить, а какие для друзей и близких. Слишком ранняя само-

стоятельность тоже плохо. Дома это так проявляется: «Я сам все знаю, тебе мою жизнь все равно не прожить, я – звезда, я – самый-самый-самый. Яяяяяяяяя!»

Ссориться часто стали. Неправильно это, вся семья-то из трех всего человек состоит, если друг друга не любить, кто ж нас любить будет. Вот и сегодня Лена прогуляться не от хорошей жизни отправилась, опять с Егором из-за всякой ерунды поругались: вчера с тренировки на два часа позже пришел, почти в полночь. Сегодня утром опять после ухода в его комнате мамаево побоище осталось. Все как всегда, как положено, можно сказать.

Еще, считается, что счастья личная жизнь прибавляет. Лена тоже всегда так думала. А сейчас вот сомневаться стала. Ну да, есть у нее друг, красивый, умный. А толку-то от этого? Тоже уже привычно все. Отношения, если их не углублять, не выводить на новый уровень, тоже перестают радость доставлять, становятся обыденными. А насчет нового уровня, Лена сама – против. Как говорится, хорошее дело браком не назовут. По ее глубокому убеждению, подписываться на такое решение стоит, если уж действительно так хорошо вместе, что без этого дальнейшей жизни себе представить не можешь. А вот у них сейчас – не такие отношения. Вполне она без такого замужества обойтись может, и обходится. И друг ее – тоже вполне успешно холостяком живет. Так зачем же что-то менять?

Или это тоже возраст преклонный себя знать дает? Уже страшно на какие-то перемены решиться? Или просто человек не тот ей попался, хоть и умный, и красивый? А где они, те? Точно, человек в мир один приходит, один и уходит, остальное все временно и суетно. У Лены много друзей есть, большая часть, конечно, семейные. И что? Позавидовать, признаться, некому. Нет, по каким-то отдельным деталям можно: хочу такую же квартиру, шубу, машину, талию, ресницы. А вот, чтобы с кем-нибудь мечталось полностью судьбой поменяться – нет, такого нет. До такой степени она никому не завидует. Потому что абсолютно точно видит, везде свои проблемы, кстати, очень похожие на ее собственные.

Единственное положительное, что Лена за собой последнее время заметила, так это то, что она опять начала мечтать. Видимо, потому, что времени свободного больше стало. Только мечтается сейчас уже как-то не так, как в юности, когда возраст для таких занятий, видимо, более подходящий. Тогда казалось, что впереди все только самое-самое. Как все придумаешь, так и будет. А теперь мечты какие-то приземленные стали, материальные: о новой квартире, машине, даче. Даже стыдно как-то за такую обывательщину. О чем тут мечтать, когда это все заработать можно. Но не стремится душа ввысь, как в молодости, что уж тут поделаешь!

Тут, в самом центре Москвы, ей все родное, близкое. Потому и отправилась на прогулку именно сюда. Лена посмотрела в сторону ресторана Прага. Здесь почти двадцать лет назад они с мужем праздновали в Аквариуме свадьбу, да и потом часто навевывались покушать, потанцевать. Эх, беспокойные девяностые, когда весь мир застыл в удивлении от того, что творилось в их многострадальной стране!

За Прагой – роддом имени Грауэрмана, в котором родилась не только Лена, но и еще ее мама. Когда-то в Москве ходила забавная байка. Говорили, что в каждом роддоме был свой способ перевязывать пупок новорожденным. А лучше всего это делали на Калининском проспекте, в роддоме номер один, имени Грауэрмана. Даже врачи всегда определяли среди своих пациентов тех, кто появился на свет там, по их красивому пупку.

А жили они тогда вон, за церковью, на улице Воровского, сейчас – Поварской, в сером старинном, еще дореволюционной постройки, доме, в котором на верхнем этаже, под стеклянной крышей когда-то, в начале двадцатого века, размещались мастерские известных художников и поэтов, даже вроде Мейерхольда. Здесь жил актёр Александр Кайдановский, поэтесса Белла Ахмадулина и её муж, театральный художник Борис Мессерер, написавший об этом доме книгу. Дом красивый, тоже как замок. В нем сейчас стоимость жилья – самая высокая в Москве. Одна квартира принадлежит Березовскому.

Ленин дед получил комнату в бельэтаже этого дома сразу после революции. Это была прежняя господская спальня, стены ее были оклеены батистом, который в тяжелое послереволюционное время, по рассказам деда, сдирали со стен, стирали и использовали для пошива мужских рубашек. А еще там был вороватый управдом, совсем такой же, как в «Двенадцати стульях», который продал все, что было в доме более-менее ценное: бронзовые ручки, ковры с лестниц, медные прутья, которые эти ковры придерживали, даже каменную тумбу для театральных афиш, раньше стоящую перед подъездом. До Лены дошла великолепная роспись на потолке, которую дедушка сам часто подновлял. Среди цветущих веток и листьев улыбались пухлощекие амурчики и небесной красоты женщины со светлыми выющимися волосами.

Лена даже не стала заглядывать на родную улицу. Ей не нравилось подходить к своему прежнему дому. Лет семь назад обе квартиры в бельэтаже были перестроены, и в высоких стрельчатых окнах виднелись уже не милые купидоны, а скучные белые европотолки. Да и сам дом, построенный в 1907 году из благородного серого камня, который раз в год чистили из шлангов смесью воды и песка, несколько лет назад был выкрашен в противный желтый цвет.

Дойдя почти до Дома Книги, Лена решила перейти на другую сторону и возвращаться потихоньку к метро. Прохожих на проспекте почти совсем не осталось. Видимо, в такой неуютный слякотный вечер всем хотелось быстрее к домашним мягким диванам и телевизорам. Лена подошла совсем близко к проезжей части, чтобы перед спуском в подземный переход спокойно перекурить.

Где-то вдалеке, наверное, у Манежа, завывли сирены. Пока женщина копалась в сумке, пытаясь вытащить с самого дна пачку сигарет, гул все нарастал, приближался. Вероятно, кто-то из кремлевских чинов, закончив многотрудный рабочий день, торопится на дачу. На Калининском проспекте правительственные машины – не редкость.

Со стороны Арбатской площади показались два больших светящихся глаза. Огромный, темный, то ли джип, то ли микроавтобус со скоростью ракеты промчался по правому ряду мимо замершей на кромке тротуара женщины. Позади темного монстра неслись две милицейские машины с включенными разноцветными мигалками на крышах, оглашая, казалось замершие окрестности, утробным воем. Ничего себе ралли в центре Москвы! Совсем народ обезумел.

Внезапно Лена почувствовала, как что-то тяжелое сильно ударило по ноге чуть выше сапога. От неожиданности и резкой боли она шлепнулась на колени в мокрую холодную лужу, здорово подпортив купленные неделю назад дорогие джинсы. «Вот, дожила, – подумала про себя, – уже от громких звуков ноги подворачиваются». Вставая, Лена еще раз умудрилась споткнуться непонятно на чем. Что-то непонятное валялось прямо у нее под сапогами.

Наклонившись, она подняла плотный сверток величиной в два кирпича, завернутый в черный полиэтиленовый пакет и замотанный несколько раз скотчем. Интересно, что это еще за дрянь такая, и как она оказалась в луже посреди Калининского проспекта? И почему так болит нога? Лена закатала брючину и даже в тусклом свете от фонаря увидела багровый синяк, наливающийся чуть ниже колена. «Хорошо, что сейчас осень и с юбкой носят колготки, летом я бы с такой ногой на пляже показаться испугалась, – мелькнула мысль. – Наверное, этот сверток выбросили из той темной машины, и именно об него я ушиблась. Вот, не люди, а свиньи какие-то, урн и мусорных контейнеров им мало, так и на тот свет кого-нибудь отправить можно». Женщина стала оглядываться в поисках ближайшей урны, но этих примет цивилизованной жизни поблизости не наблюдалось. Теперь придется еще и этот увесистый мокрый пакет до какого-нибудь мусорного контейнера тащить, а то об него еще кто-нибудь споткнется, если здесь бросить. Что там хоть такое? На ощупь похоже на бумаги, небось, какие-нибудь старые документы выбросили. Посмотреть, что ли? Лена принялась вяло расковыривать плотный пакет. В дырке мелькнуло что-то розовое. Достав из кармана невесть как там заваливавшуюся пилочку для ногтей, женщина сильнее рванула плотный пластик и в шоке замерла...

В пакете лежали банковские упаковки купюр по пятьсот евро. Вот это да! Такого с ней точно еще не случилось! Конечно, эти евро фальшивые, потому их и выкинули. Все равно прикольно, можно дома туалет оклеить. Кому рассказать – не поверят!

Лена огляделась по сторонам. Она все еще стояла у самой кромки проезжей части, так и не достав сигарету из зажатой подмышкой сумки. Да не до курева уже! Пора идти, пока какой-нибудь пьяный лихач уже конкретно в нее не въехал, ночь на дворе! Аккуратно запаковав черный сверток с банкнотами в извлеченный из сумки гжельского вида пакет с логотипом магазина Копейка, и упрятав его на дно сумки, женщина двинулась ко входу в подземный переход. Сильно побаливала нога. Все ее мысли роились вокруг странной находки. Лена прикидывала, вернулся ли уже с тренировки Егор, и предвкушала, как все они громко посмеются над таким количеством фальшивых евро. Видимо поэтому, замечтавшись, женщина почти не заметила, как практически врезалась в стоявшего на ее пути огромного мужика, от которого к тому же ощутимо попахивало спиртным.

– Ой, простите, – пискнула Лена. Для нее на сегодняшний вечер впечатлений явно было уже достаточно.

– Да ничего-ничего, девушка, я как раз шел вам помочь. Это ведь вы там, у бордюра, в лужи возились? Я даже не понял, что именно с вами произошло, машина та странная, что ли, вас задела? Ишь, с какой скоростью гоняют, паразиты!

Сначала Лена, конечно испугалась. Мужчина – явственно пьян, объясняться с ним посреди пустынного проспекта было как-то неприятно. Но потом в лице и голосе мужчины что-то показалось смутно знакомое. Пару секунд еще она растерянно хлопала ресницами, пока воспоминание окончательно не оформилось.

– Владик! Сикорский! Сколько лет, сколько зим!

– Ленка! Ты совсем не изменилась! Какая была, такая и осталась! Как же я тебя сразу не узнал!

Влада Сикорского, с которым Лена во времена студенчества специализировалась на кафедре истории зарубежной философии, а потом вместе училась в аспирантуре, Лена действительно не встречала уже много лет, а также и зим. Это и понятно. Они никогда особенно не дружили и когда учились, так как принадлежали к совсем разным компаниям. Лена поступила на факультет сразу после школы и дружила с такими же, как она, молоденькими мальчиками и девочками. Они жили дома с папами-мамами и просаживали свою довольно большую стипендию в кафе «Шоколадница» на Октябрьской, в «Космосе» и «Московском» на улице Горького, в «Яме» и «Метелице».

Влад поступил в университет, имея за плечами уже объемную трудовую биографию, в которой, вроде помнилось Лене, присутствовал и рыболовецкий флот, и какой-то крупный завод в Сибири, и лесоповал на севере. На философском факультете было достаточно таких ребят, которых жизнь привела туда как-то более осознанно, чем вчерашних школьников. Учиться им было, конечно труднее, так как многое из школьной программы было уже прочно забыто, но они старались. Жили, в основном, в общежитии, подрабатывали где могли, ездили в стройотряды в Казахстан. Именно их имена потом во время перестройки первыми из всего факультета, зазвучали среди владельцев успешных фирм и бизнесов.

Зато, с ними хорошо было на картофелеуборочных работах, они много умели, ничего не боялись, и охотно помогали недавним школьницам. Некоторые из них устраивались на картошке даже очень хорошо. Те, кто из прошлой жизни имели профессиональные водительские права, на самосвалах возили урожай с поля в сортировочный цех, и с сортировки в хранилище. Это было значительно лучше, чем ковыряться в грязной сырой земле.

Во все времена студенчество живет весело, не брезгая крепкими спиртными напитками. Философов вывозили на полевые работы в совхоз Семеновский, который находился на границе Можайской и Смоленской области. Смоленск в брежневские времена на всю страну славился

своими спиртными напитками, которые производил огромным, просто устрашающим ассортиментом. Такого количества названий нельзя было увидеть ни в одном другом городе. Качество, же, наоборот было очень низким, за что в народе все это изобилие называли «смоленский сучок». Сучка этого в магазинах совхоза Семеновский было много, но начальство, в лице начальника их курса, прозванного в университете Валя-дуб за неподражаемые успехи в науках, ежегодно просило продавцов спиртное студентам не отпускать. Слава богу, на студенток этот запрет не распространялся, и алкогольный поток беспрепятственно по вечерам захлестывал общежитие. Плохо было только, когда заканчивались деньги.

И вот один раз была проведена беспрецедентная акция. В один из самосвалов, за рулем которого сидел студент, на сортировке был насыпан самый лучший картофель, и вместо хранилища несколько ребят отправились на рынок в Можайск. Картошку там местные тетки продавали, сейчас уже сложно вспомнить, к примеру, по пятьдесят копеек за килограмм. Единственным инвентарем, которым располагали студенты, было ведро. Не растерявшись, они повесили на самосвал табличку, что у них цена полтора рубля за ведро картошки. К ним сразу выстроилась очередь. Вдруг лишившись покупателей, тетки побежали искать милиционеров. Менты приказали картошку из самосвала высыпать и убираться. Но рублей двести-триста к тому времени уже было выручено, что помогло всему курсу покупать сучок еще пару недель. Интересно только было бы узнать, что милиционеры сделали с высыпанной из самосвала картошкой?

Несколько лет назад Лене звонил кто-то из однокурсниц и приглашал на пятнадцатилетие окончания университета. Говорили, что ресторан для всего курса взялись оплатить несколько ребят, которые за последние годы очень хорошо поднялись, заработав кто политикой, кто бизнесом. Среди них, вроде, называли Влада. Лена тогда на празднование пойти не смогла, так как только что вышла на новую работу.

В общем, Влада она никогда толком и не знала. В студенческие годы он всегда ей казался жестким, грубым, каким-то «себе на уме». Но встреча однокурсников на улице, это, согласитесь, всегда святое дело!

После дружеских объятий и взаимных приветствий, Влад опять спросил:

– Лен, так ты чего там, в луже-то, делала, не ушиблась? Мне вообще показалось, там из окна что-то вылетело и прямо в тебя врезалось, – и Влад как-то странно заглянул женщине в глаза.

Сначала Лена решила все рассказать однокурснику и показать сверток со смешными бумажками. Но силы уже совсем заканчивались. К тому же, хотелось застать своих домашних еще не в постелях, и продемонстрировать розовые банкноты сначала им. Пусть фальшивые – но интересно же. А Владу и не стоит знать о таком пустячном событии.

– Да это я от неожиданности плюхнулась. Вот – колено ушибла. Сама во всем виновата, слишком близко стояла. А ты здесь в такое время что делаешь?

– Мы тут с ребятами у меня в мастерской событие одно отмечаем, вот на секунду выскочил еще кое-чего прикупить. Давай к нам, там и поболтаем, и ногу твою заодно посмотрим, один из моих друзей как раз врач.

– Нет, спасибо, я лучше домой, хватит с меня на сегодня. Влад, а что у тебя за мастерская? Тоже, что ли, с университетским образованием какие-нибудь пластиковые окна ставишь?

– Да нет, – Влад смущенно замялся, – мастерская художественная, а философию тоже давно бросил. Знаешь, я ведь еще в детстве художественную школу закончил, и вот последние годы потянуло как-то...

– Что, и выставляешься, и продаешься? Что-то я такой фамилии ни разу нигде не встречала.

– Я под псевдонимом работаю. – И Влад назвал достаточно известную в последние годы в Москве фамилию художника, работы которого завоевывали все больший успех.

Лена о художниках знала совсем мало, среди ее знакомых их почти не было. Правда, когда она была более юная, иногда к ней на улице подходили с просьбой попозировать. Однажды она даже согласилась. Это было давно, тогда Лена первый раз надела красный комбинезон, купленный в валютном магазине Березка. Художник очень просил, ссылаясь на свою любимую картину «Сумасшедшая в красном». Кстати, о такой картине ни тогда, ни после, Лена нигде упоминаний не нашла. Она несколько раз сходила к нему в мастерскую, и ее портрет даже висел на какой-то выставке. Еще этот художник, имя которого она давно забыла, рассказал ей забавную историю.

В художественном салоне продали его картину и расплатились рублевыми купюрами, около полутора тысяч купюр. Он от радости немного выпил и, решив повеселить жену после работы, разложил эти купюры паркетом в прихожей. Только он закончил, звонок в дверь. Он думал там жена, а оказался сосед, который очень удивился открывшемуся его взгляду денежному ковру. Художник пошутил, что только что все это напечатал и вот разложил сушить. Сосед взял, что хотел, и ушел. Через двадцать минут опять звонок. Открывает хозяин, а на пороге – милиция. Говорят, к ним поступил анонимный телефонный звонок, что в этой квартире есть печатный станок для денег. Представители власти, конечно, тоже удивились такому паркету в прихожей. Но на деньги были документы из художественного салона, да и банкноты оказались настоящими, а уж хранит свои трудовые сбережения каждый как хочет. Художник им сказал, что они квартирой ошиблись, что станок стоит в соседней. Менты пошли к соседу, а тот как раз в это время гнал аппаратом самогон. С ним они его и хлопнули. Впрочем, сейчас все это к делу не относилось

– Ну, ты даешь! Вот как в жизни все меняется! Поздравляю!

– Спасибо. Может, встретимся как-нибудь, старые времена вспомним? Картины мои посмотришь?

– Я – с удовольствием, запиши мой телефон.

Распрощались они уже как старые друзья. Влад помог Лене поймать машину и она, наконец, отправилась к себе домой.

В квартире все уже спали. Лена тихонечко разделась и прошла в свою комнату, все еще думая о Владе.

Надо же, кто бы мог подумать, какой поворот судьбы. Вроде, раньше, помнится, у него была сеть хирургических клиник. Одну из них Лена раньше посещала, с сыном, когда первые спортивные травмы пошли. И даже был у нее роман с тамошним доктором, лысым хирургом с чуткими руками и умными глазами. Нет, а Влад-то! Художником стал, да каким! А раньше ведь казался совсем лишенным эмоций, зубрилой! Обязательно надо на его картины глянуть. Интересно же.

Женщина устало плюхнулась в любимое кресло и решила поподробнее рассмотреть свою находку, из-за которой она испортила новые джинсы. Вытащив из пакета пачку, она удивилась, что упаковки выглядят практически как настоящие, даже печать стоит одного из крупных московских банков. Разорвав бумажную ленточку, женщина вытащила одну купюру. Странно, на ощупь шелковистые, и бумага хорошая. Господи, и все степени защиты! Эта купюра – настоящая!!!!!!!!!!!!

Может, это кукла? Внутри нарезанная бумага? Все равно странно, что кто-то выкинул несколько тысяч евро, тут этих пачек много. Лена лихорадочно распотрошила пять пачек. Все они оказались полными, с настоящими деньгами внутри. И таких пачек тут... сорок. И это будет... Мамочка! Это же будет – два миллиона евро! Господи, во что это она вляпалась? Да, в последнее время ее жизнь, конечно, была несколько бедновата впечатлениями. Но мечтать о том, что откуда-то, просто так, возьмется квартира, машина, дача – это одно, а держать в руках такую кучу чужих, не поймешь, откуда взявшихся денег – это совсем-совсем другое!

Лена в полной прострации собрала с кровати разбросанные деньги, сложила обратно в пакет и прошла в маленькую кладовку, располагавшуюся за шкафом ее комнаты. Дом на Ленинском проспекте, где они жили сейчас с мамой и Егором, тоже был очень преклонного возраста, годом его строительства был 1931, и отличался наличием в квартирах разных непонятных прибабасов, причем во всех квартирах своих. В частности, квартира, где жила Ленина семья имела целых три кладовки, крошечную кухню, огромную ванную комнату, где можно было танцевать и огромный туалет, где вполне при желании разместился бы компьютерный стол со всем содержимым. Именно этот туалет Лена еще с час назад подумывала оклеить фальшивыми евриками.

Кладовка служила местом забвения для массы старых, но все еще любимых вещей, которые просто невозможно было выкинуть, такое количество воспоминаний они на себе хранили. Где-то в дальнем углу, например, лежала старинная фарфоровая кукла, одетая в шелковое бальное платье и длинное плюшевое пальто. С ней играла еще Ленина бабушка.

В маленьком помещении несколько плиток паркета можно было вынимать и возвращать обратно. Этот тайничок остался от прежних хозяев квартиры и был обнаружен Леной еще в детстве, и с тех пор время от времени успешно использовался по мере надобности. Именно там удобно, в четыре ряда разместились пачки. Сверху Лена на всякий случай поставила громоздкий, привезенный дедушкой после войны из Германии, чемодан.

Потом чисто автоматически приняла душ, мельком подумав, разглядывая свой громадный синяк, что ушибиться о два миллиона евро – это круто, вряд ли многие могут этим похвастаться. Так же автоматически накатив после душа полстаканчика водочки, к счастью, нашедшейся в холодильнике, Лена рухнула в постель со словами героини не слишком уважаемого ей романа: «Я подумаю об этом завтра!»

Может, незабвенной Скарлетт и удавалось обдумать свои проблемы завтра, послезавтра, или тогда, когда ей это было необходимо. Железная дамочка была. Лене уснуть не удавалось никак. Врожденный или, может, приобретенный в жизненных коллизиях аналитический ум требовал разложить все по полочкам. И не получалось ничего. Чьи эти огромные деньги? Что с ними делать? Чужое ведь надо возвращать! И самое главное, чем они грозят лично ей, Елене, и всей ее семье? Как получилось, что такая фантастическая сумма была выкинута на темной улице? Теперь женщина уже не сомневалась, что загадочный сверток вылетел из пронесенного на бешеной скорости фургона. Вот интересно, а не могли ли эти деньги обронить в окно случайно? Такое бывает? А кто там сидел? И не следует ли поискать этих людей, чтобы вернуть им пропажу? Но кого она найдет? Не верится, что порядочные и интеллигентные люди часто бросаются такими деньжищами и удирают по темным улицам от стражей порядка. Как их искать-то? А если и найдешь, не потеряешь ли и собственную голову при этом? Может, вообще, выбросить эти деньги в ближайший или, наоборот, удаленный подальше, мусорный контейнер? Нет, выкидывать нельзя, вдруг хозяева как-нибудь сами объявятся и потребуют свое. Господи, нельзя даже представить, что это будут за хозяева, и как они этого потребуют! И что они с ней, мамой и Егором сделают, если денег не будет! А, собственно, откуда гипотетические они узнают, что это именно Лена эти деньги взяла, ведь никто этого не видел. Или видел? Может кто-то специально наблюдал за всем? Как это специально, тогда этот человек должен был знать, что именно в этом месте в это время произойдет такая история? А может этому человеку позвонили и сказали, что здесь выбросят деньги? Зачем же такое говорить, да и выбрасывать тоже? Это ж как-то ненормально. Нет, ничего не получается! А может, милиция гналась за этими людьми в джипе, чтобы отобрать деньги? Нет, милиционеры ничего ни у кого не отбирают, наоборот возвращают. Или отбирают? Вроде, говорят, что сейчас милиция почти то же самое, что и бандиты. Сама Лена никаких дел с милицией никогда не имела, поэтому и собственным мнением по этому вопросу не располагала.

Так может, милиция хотела отобрать эти деньги у тех людей, которые сидели в джипе, это раз! Те люди, соответственно, не хотели их отдавать, это два! И тогда они сообщили по телефону какому-то человеку, где они будут их выкидывать, чтоб он пришел и забрал, это три! Так, ничего себе додумалась! Значит, там еще, что ли, кто-то был и видел, как Лена этот сверток ужасный подобрала? Почему же он прям там его не забрал, она бы без слова отдала! Может, ему Влад помешал? А что? Он ведь такой здоровый, не каждый к нему полезет! Но ведь тогда те люди Лену искать будут! Мамочка! Да лучше бы она к этому паршивому пакету вообще не прикасалась! Подошел бы тот их человек и спокойно взял! И не видела она там никого, пусто совсем у перехода было. Только Влад там один и шел. Кстати, а вот Влад как там оказался? У перехода этого? Он-то что в столь поздний час на улице делал? Сказал, вроде, что за бутылкой шел, а там, ведь, кто его знает-то! А что если, он тем человеком и был, ну которому бандиты позвонили? Может, они знали, что он у себя в мастерской квасит, или он вообще там каждый вечер пьет. Правильно, кто знает, какие у этих художников знакомства, или вообще он про художника только что придумал, каждый может ведь любую фамилию псевдонимом назвать, своя-то фамилия у него точно другая! Так чего же он мешок этот противный прям там и не забрал? И не пытался вроде. Может, потому что Лена знакомой его оказалась, и обыскивать ее ему как-то не с руки было. Ну конечно, не с руки! Ради таких денег, кого хочешь, обещешь, особенно, если они чужие и их отдать каким-то серьезным людям нужно. Нет, скорее, он подумал, что Лена пакет не заметила, и он в той луже так и остался. А после того, как он ее в такси посадил, вернулся забрать, а там ничего и нет. Точно, так все и получилось! Тогда он Лену искать будет, чтобы деньги эти забрать. А чего ее искать, она сама ему свой мобильный номер вручила. Если так все получится, пусть, избавится она от этих проклятых денег и забудет все как страшный сон! А если это, все-таки не Влад, и был там кто-то еще. Да, вот тогда страшно! А если вообще никого не было, и деньги эти сами как-нибудь случайно упали?

Так ни до чего толком не додумавшись, Лена твердо решила, что самое главное – чтобы никто об этих деньгах ничего не знал. Лежат они под паркетом в кладовке, вот пусть и лежат. Когда их отдавать придется, это будет ее, и только ее, проблемой. Нечего в это скользкое дело кого-то еще впутывать.

С утра Лена чувствовала себя так, как будто ночью по ней проехал асфальтоукладчик. И если не совсем раздавил, то попортил – изрядно. Мама, увидев ужасающего вида синяк на ноге, притащила три вида своего любимого бальзама для лошадей и заставила все их попеременно друг за другом втирать. Правда, почти сразу боль начала пропадать.

Мама у Лены вообще дама весьма интересная. Закончив когда-то давно архитектурный институт, она лет до сорока работала над проектированием крупных ресторанов, гостиниц и универмагов. До сих пор иногда, увидев по телевизору свои бывшие объекты, гордо заявляет: «Мое!» А после сорока вдруг заделалась... гадалкой. На сегодняшний день занимается она этой почтенной деятельностью уж не первый десяток лет, всеми уважаема и обладает огромной разношерстной постоянной клиентурой. Еще она всегда обожала лечиться и лечить других разными нетривиальными средствами. Сейчас она находится в периоде увлечения ветеринарными препаратами: бальзамы и шампуни для лошадей, английские таблетки для собак, и другое, в том же роде.

– Мам, погадай, что у меня на пороге?

Надо сказать, что гадает Ленина мама абсолютно на всем, что под руку попадет. Как на специально для этого предназначенных инструментах: хрустальном шаре, рамочке, разного вида картах и рунах, так и на всяких бытовых предметах: кофе, чае, воске, стакане с водой, фасоли. Зато напрочь лишена приверженности к атрибутике. Даже работая со своими клиентами, никаких свечей не жжет, икон на видное место не ставит, в платки не заматывается. Раз-

говаривает с ними по-дружески, внимательно слушает, старается помочь не только гаданием, но и советом, за что всеми вокруг любима и уважаема.

Заглянув в Ленин стакан из-под сока, мама провозгласила:

– Ожидает тебя дорога дальняя, жара, казенный дом, темница и встреча с пиратами!

– Слышь, Гном, какие сейчас пираты, да и жара тоже, снег вот-вот пойдет, и вообще ты как-то странно выражаешься, как в романе, – пробасил Егор. С высоты своих двух метров и десяти сантиметров, бабушкины сто семьдесят кажутся Егору совсем незначительными, потому еще лет пять назад он стал называть ее Гномом. Бабушка, в принципе, не возражала, так как готова была еще и не то стерпеть от любимого внука. Но просит не обращаться к ней так на улице, мотивируя это тем, что Егору, конечно, не привыкать, когда на него вся улица пялится, да и к вниманию болельщиков он давно привык, но когда такой вот здоровый дядя громко кричит: «Гном, иди сюда», и все прохожие тоже хотят увидеть гнома, то ей становится как-то не по себе.

– Что вижу, о том пою, а если вы мне не верите, то и не обращайтесь больше, сто раз уже говорила!

Вскоре Гном удрал в свой магический салон, Егор отправился на тренировку, а Лена прилегла на диван, чтобы опять подумать о так неожиданно свалившемся на ее голову, или, скорее на ногу, богатстве. Благие намеренья прервал звонок мобильного. Номер звонившего оказался незнакомым, и женщина сразу испугалась, почувствовав сковавший все движения страх и дурноту, почти головокружение. С трудом подавив трусливое желание не отвечать, она нажала кнопку на телефоне.

– Лен, привет, узнала? – спросил низкий мужской голос.

– П-пока нет, а кто это?

– Это я, Влад, помнишь, мы вчера на Калининском пересеклись? Я тут подумал, мы как-то и не поговорили совсем, уж больно неожиданно все вышло. Может, пообедаем сегодня где-нибудь, поболтаем, старые времена вспомним, да и новые дела обсудим. Думаю, нам есть о чем поговорить.

Вот оно, начинается! Это, какие ж он дела собирается обсуждать? Точно, вчера пакет в луже не нашел и вот уже тут как тут. Может, не ходить? Толку-то, захочет – все равно найдет. Лучше уж сразу отмучиться.

– Раз хочешь – пообедаем.

– Тогда в четыре в «Панчо Виллас». Буду ждать. До встречи.

Загадочная история продолжала набирать обороты. Вот хорошо бы сейчас открыть глаза и ничего этого бы не было, ни денег, ни обеда этого подозрительного. Идти на него совершенно не хотелось. Лена решила позвонить Наталье, как раз у нее в двенадцать обеденный перерыв, может она что-нибудь о Сикорском ценное знает.

– Привет, Ленусик, ну как ты там? Что нового слышала, видела?

– Да, все по-старому. Знаешь, я вчера на улице Влада Сикорского встретила, помнишь его, с нашей кафедры?

– Очень смутно, это ж он с тобой учился, а не со мной. Вроде, противный такой, да?

– Противный – это точно. А ты о нем ни от кого ничего не слышала, вроде он художником стал, да еще известным.

– Нет, про клиники что-то вспоминаю, а вот про художества ничего не знаю, да ты в Интернете посмотри, если надо. А зачем тебе?

– Он меня отобедать пригласил.

– Так его самого и спроси, вот и тема для беседы будет. Все, должна бежать. Чао!

Да, тема для беседы у них, похоже, совсем другая будет! А вот про Интернет и сама бы могла сообразить. Лена уселась за Егоров стол и уже через пару минут удивленно пялилась в монитор. На фотографиях с выставок Влад как-то мало походил на себя и, самое главное,

выглядел намного моложе, чем вчера. Странно! Может, это фотошоп так ему на пользу идет? Или все-таки это не он? Но как такое может быть? Непонятно! А если просто набрать: «Влад Сикорский»? Тут статьи какие-то все старые, еще о клиниках. Вот: в декабре 2009 года клиники продал, а позже почти ничего и нет. Да, но художник тот и раньше рисовал, вот картины 2002, 2004, что ж он под своим именем медициной заведовал, а под псевдонимом рисовал, так что ли?

Стрелки на часах уже приближались к трем, пора было приводить себя в порядок и ползти на ненавистный обед. Лена поколебалась, не взять ли ей с собой мешок с деньгами, чтобы сразу расставить все точки, но потом решила, вдруг милиция остановит, или выпадет где, объясняйся потом. Да и весил он преизрядно.

Ей всегда был по душе этот ресторанчик, притулившийся недалеко от метро Октябрьская. Внутри погребок похож на старинный трактир, но почти всегда слышна испанская речь. Говорят, даже все официанты здесь – иностранные студенты. А меню похоже на учебник истории.

Когда Лена вошла в зал ресторана, Влад уже сидел за столиком, выбирая блюда для обеда. Нервы, и кажется, даже руки и губы, у нее дрожали. Пару минут назад, зайдя в дамскую комнату, она чуть в обморок не завалилась, когда позади нее вдруг кто-то завыл. Забыла уже, что здесь такой прикол для гостей припасен: коровки мычат. Нет, дома определенно лучше!

Влад поднимался навстречу:

– Тебе нравится этот ресторан?

– Да, просто обожаю мексиканскую кухню!

Сделав заказ, Лена внимательно посмотрела на своего спутника. Сегодня он выглядел как-то попримечнее, или свет в ресторане был более яркий. Но на художника из Интернета он все равно не очень похож. Короче, Лена совсем запуталась.

– Слушай, ты сегодня криминальную хронику смотрела?

Лена чуть не подавилась первым глотком Маргариты.

– Нет, я ее вообще никогда не смотрю. А там что-то интересное было?

– Вчера около одиннадцати часов в начале Минки сгорела инкассаторская машина, что-то там с ней нехорошее произошло. Может, мы ее с тобой вчера видели?

– Не знаю, может и ее.

– Говорят, там очень крупная сумма денег пропала, представляешь? Вот кому-то повезло, ты так не считаешь? Правда, жить ему страшно станет, и семье его тоже. Лен, а у тебя ведь семья есть?

– Мама и сын, с мужем развелись давно, когда сынуля совсем маленький был. А у тебя?

– Расстались тоже, дочка почитай, взрослая уже. Я ведь пока со своими клиниками возился, жизни совсем не видел, все времени не хватало. Сейчас материально, конечно, хуже стало, приходится иногда браться за разные неприятные дела, к которым душа не лежит, но хоть время свободное появилось. А ты где трудишься?

– Нигде не работаю, дома сижу, и давно уже. Бабушкину квартиру на Смоленской продала, на проценты и живем, немного, конечно, но жить можно. Сейчас сын уже кое-что зарабатывает. А ты мне картины вчера обещал показать, помнишь?

– Лен, ты меня извини, ты уже поняла, что я вчера пошутил насчет псевдонима, выпивши немного был. Рисую я так, немного, для себя, а вот мастерская правда есть, я еще давно по случаю ее купил и все мечтал по назначению использовать. Приходи как-нибудь – посмотришь. У тебя нога-то как?

– Уже лучше.

– Забавно мы вчера встретились, правда? И машина вот эта. Знаешь, как бывает, окажешься в ненужное время в ненужном месте, услышишь или увидишь что-то, и можно себе ритуальные принадлежности и услуги заказывать. А тобой тут люди некоторые интересовались.

– Какие люди?

– Не скажу, пусть для тебя неожиданным сюрпризом станет.

– Может не надо сюрпризов?

– Не бойся, кто не пойман, тот не вор!

– Да я, собственно, и сама хотела...

– Если серьезные люди что задумают, их уже не остановить, и пощады можно не просить, и не сбежать никуда, и не деться!

– Влад, это ты о чем? Я же говорю, я сама все...

– Доживешь – узнаешь, а если не доживешь, то тут уж, сама понимаешь! Это хорошо, что ты не работаешь. С тобой все проще будет. Опять же мама у тебя, и сын уже самостоятельный.

– Я тебя не понимаю! Что ты хочешь?

– Все и сразу! Но можно и по частям. Поехали со мной в Египет!

– Я совсем запуталась. В Египет? Зачем?

– Ну, ты же человек пока свободный. Опять же, твоим без тебя лучше будет. А то с тобой не соскучишься!

– Влад, это что, приказ? Что мы там делать-то будем?

– Конечно, приказ. Как что? Скрываться от всяких неприятных дел и отдыхать!

– Знаешь, ради своих близких, я на все готова. Приказ так приказ! Поехали.

– Вот и умница, что так хорошо все понимаешь! Так для всех удобнее будет.

– Для кого, для всех-то?

– Я же сказал, доживешь – узнаешь!

– Может, здесь все прямо сейчас решим, зачем нам так далеко ехать-то? Чего тут решать, я и так все сделаю, что скажешь, и молчать обо всем буду как рыба.

– Нет, сейчас не получится, нужные люди заняты. Да и мне отдохнуть с красивой женщиной, перед тем как к своим обязательствам малоприятным приступать, приятно будет. А то, сама знаешь, красивая женщина – товар ценный, за него и платить приятно. Сегодня она есть, а завтра приехали серьезные люди – и его не стало...

– Так ты хочешь сказать, что я из Египта и не вернусь, может? Но почему? Что я такого сделала-то? И почему это надо делать на другом континенте?

– Вернешься, куда денешься, вопрос, только, в каком виде, все возвращаются, в страховке предусмотрена доставка тела на родину, – и Влад как-то зловеще ухмыльнулся, – а на другом континенте – чтобы романтичнее было!

Все, Ленины мозги не только закипели, а, похоже, уже стали испаряться через уши. Если она правильно поняла, Влад по бедности работает наемным убийцей, и везет ее в Египет, чтобы там прихлопнуть, после того, как они вместе хорошенько отдохнут. Убьют ее, чтобы никто не узнал о пропавших из инкассаторской машины деньгах. Причем, поедут они с Владиком не одни, а вместе с какими-то серьезными людьми, которые ее и заказали. Только вот она не очень поняла, почему убийство в романтической обстановке происходить должно. Но, может у некоторых киллеров свои причуды имеются. Например, чтобы жертве приятно в мир иной отходить было, вместо последнего желания.

Ну и что ей теперь делать? Может, наплевать на все, вскочить сейчас и бежать на улицу к первому попавшемуся милиционеру? А если он оборотнем в погонах окажется? Недаром ведь Влад позвал ее именно в этот ресторан, может рядом с ним и менты не настоящие, а тоже на тех людей работают. Да и не убежишь, наверное, от Влада далеко, сразу догонит и прямо здесь замочит, без всякой ей романтики. А потом за Гнома с Егором примется, чтобы деньги вернуть, а они про них и не знают ничего, и про тайник не ведают, просто так погибнут. Нет, такого

Лена допустить не могла. Лучше в Египет ехать, хоть какая-то отсрочка, и ее родным, как Влад сказал, безопаснее будет. Опять же, если все будет выглядеть как несчастный случай, то никто из ее близких ничего опасного для себя не узнает. Бандиты деньги как-нибудь тихонечко заберут, она сама им скажет где, а их, может, и не тронут. Решено, она на все соглашается, а там посмотрит.

– Хорошо, когда едем?

– Да, думаю, дня через четыре, как заинтересованные люди свои дела доделают, так и полетим. У тебя с загранпаспортом все в порядке?

«Наверное, как еще кого-нибудь ограбят и убьют, так и мной займутся», – подумала женщина.

– В порядке, даже копия с собой есть, возьми, чтобы тебе билеты удобнее заказывать было. Мы на сколько дней полетим?

– Думаю, две недели будет достаточно. Эх, как представлю: пальмы, рыбки, пирамиды – прямо жить хочется! Целых две недели рая!

Это ж каким циничным надо быть, чтобы перед убийством так жизнью наслаждаться!

– Ты в Египте раньше была?

– Нет, не приходилось.

– А я так по четыре раза в год туда летаю, нигде так хорошо не отдыхается, как рядом с Красным морем.

Дальше обед пошел своим чередом. Влад вспоминал их однокурсников, всякие забавные истории, происходившие лет двадцать назад, даже рассказал два анекдота. Лена отвечала кое-как, больше слушала и поражалась хладнокровию своего собеседника. Объявил человеку, женщине, смертный приговор, а потом веселится над какими-то бородатыми приколами. Не мужик, а монстр какой-то. Со стороны же – полная иллюзия, что встретились друзья детства, которое, кстати, у Влада лет на десять раньше закончилось, чем у Лены, и вспоминают давно минувшие дни. Под конец обеда Влад предложил доехать до мастерской, чтобы посмотреть на его работы. Но Лена отговорила несуществующими делами. Вот только просмотра картин, или чего он там еще творит, ей сейчас для полного ощущения счастья и не хватает!

Вернувшись домой, Лена застала Егора и маму играющими в нарды рядом с огромным, уже на треть съеденным тортом.

– Что празднуем?

– Егор завтра с Суперлигой в Италию летит на сборы, в ней народа не хватает, кто в Сборной, кто в Мировой лиге. Три недели с ними около моря потренируется.

Вот и чудненько, по крайней мере, сына в ближайшие три недели достать будет трудно.

– Мам, ты только никому не говори, что он в Италии тренируется, чтобы не завидовали. А я, наверное, в Египет подамся, раз его дома не будет.

– Чего так вдруг? С кем-нибудь поедешь?

– Нет, одна. Погода плохая, а там только-только сезон начинается, дешево пока. Ты же сама мне дорогу дальнюю и жару нагадала.

– Езжай, только звоните мне все почаще, а то я волноваться буду.

– Обязательно будем. Слышишь, сынок, это и тебя касается!

Вечером, за поздним чаем, Егор спросил:

– Мам, а что бы ты сделала, если бы у тебя миллион долларов был?

Вообще, такими разговорами они с сыном развлекались довольно часто, кто бы чего купил или построил на взявшиеся непонятно откуда крупные суммы денег. Это было что-то вроде игры, где каждый баловался, как мог, придумывал разные, самые чудные и забавные способы утилизации денег. Только сейчас эта игра, прямо скажем, не заводила. Тем более, что источник появления этих случайных крупных средств в ней никогда не оговаривался.

– Знаешь, сынок, если бы я не была уверена, что эти деньги заработала я сама, ты, или бабушка, я бы к ним близко не подошла и пальцем не прикоснулась.

– Что это ты, вдруг, так серьезно рассуждать стала. Все равно, это только как сказку придумать, ясно же, что в обычной жизни деньги сами на голову не падают.

– Хорошо, что ты это понимаешь!

Эту ночь тоже нельзя было назвать самой спокойной в Лениной жизни. Мысли метались как стая ворон накануне дождя. Конечно, следовало предпринять что-нибудь кардинальное. Например, попытаться скрыться от Влада и его неведомой компании. Или пойти в какие-нибудь органы и честно все рассказать, или, хотя бы, попросить о помощи кого-то из друзей. Но первые два варианта, совершенно очевидно, грозили неприятностями либо самой Лене, либо ее дорогим и близким людям. А друзей, как она сама считала, у нее было и так не слишком много. К тому же, женщина была не уверена, что они смогут помочь ей сейчас хоть чем-то, а подставлять знакомых из-за сделанной ее собственными руками глупости, совершенно не хотелось.

Еще было абсолютно непонятно, почему Влад просто не заставил ее вернуть деньги и даже не заговорил о них прямо. Зачем эти трудности с какой-то поездкой, если все спокойно можно было решить здесь, в Москве, ну и прихлопнуть ее по-тихому тоже, если уж это так, на их взгляд, необходимо. Ой, а может Влад затеял какую-нибудь свою игру? Например, хочет оставить эти деньги себе, а тем людям сказать, что Лена их не отдает. Или он сам хочет в Египте спрятаться от них, как говорится, замести следы. Но зачем тогда ему она? Логичнее было бы убить ее здесь, потом забрать деньги и скрыться, то есть, сначала забрать, а потом убить, а то деньги так и останутся лежать под паркетом, пока их дом, наконец, не пойдет под снос, как обещают уже последние лет тридцать. И тогда такое богатство отойдет в руки какого-нибудь случайного бульдозериста или экскаваторщика. Нет, от этого всего можно просто сойти с ума, самой завернуться в простыню и ползти на кладбище. Что ж делать-то? Ничего тут не поделаешь, кроме как отдаться на волю обстоятельств. Как будет – так будет. События приняли совершенно независимый от ее воли и желания оборот. Остается только порадоваться, что кто-то решил напоследок обеспечить ей красивую экзотичную обстановку. Ну что ж, в каждом положении нужно стараться находить свои приятные стороны. Вот и она постарается их найти, даже если они станут последними в ее жизни. К тому же, может быть, еще все как-нибудь само утрясется. Решено, она собирается в чудесное путешествие, возможно последнее в ее жизни.

Влад позвонил утром:

– Все готово, через четыре дня улетаем. Раздобыл отличный отель, и совсем недорого. Только вот, мой сюрприз откладывается. Может, он чуть позже прибудет, а пока мы с тобой вдвоем отдыхать будем. Там жарко сейчас, ты смотри, кремы всякие для солнца не забудь, а то будешь потом мучиться! Давай, до встречи!

И очень хорошо, что всякие неприятные сюрпризы откладываются. Она даже очень рада повременить. Только странные какие-то люди. У них что, руки все никак не дойдут, что ли, что б убить ее? Даже обидно как-то за себя, что такое важное для нее дело кто-то, видимо, считает незначительным. И про кремы для загара тоже он хорошо напомнил. Как будто, самое главное в таком деле, как она после смерти будет выглядеть. Нет, все-таки, какие же люди все разные. Кто бы мог подумать, что Влад весь из себя такой сентиментальный и романтический, при такой-то внешности! Видимо недаром рисовать начал, раз он так тонко и чутко даже к своим киллерским обязанностям относится. Ладно, постараемся соответствовать. Тоже, чтобы в грязь лицом не удариться. Надо тряпочки покрасивее собрать, купальнички, полотенчики. И какой он там отель назвал? Следует в Интернете посмотреть, что там о нем люди говорят.

Отель «Октопус инн» действительно оказался выше всяких похвал, и деньги за него сейчас хотели небольшие. В другое время Лена была бы просто счастлива внезапно оказаться в таком чудном месте. Действительно, в Египте она еще ни разу не была, но вообще, путешествовать Елена обожала, все время досматривала на туристических сайтах за курсом поездок. Как только отыскивалось что-то интересное по привлекательной цене, если располагала свободными деньгами и временем, обязательно покупала и с радостью паковала вещички. Причем, в отличие от многих своих знакомых, не любила европейские страны, считала их холодными, надменными, скучными и дорогими. Зато она обожала юг, море, солнце и всяческую экзотику: шумные восточные базары, фрукты, сладости, улыбчивых южных мужчин, которые за Леной, светлокожей блондинкой с длинными волосами, просто табунами ходили. Ей нравилось бродить по улицам незнакомых городов, подсматривать приметы чужой жизни, вслушиваться в незнакомую речь. Кстати, все Ленины знакомые поражались, как легко везде она находит со всеми общий язык. Никаких языковых барьеров для Лены просто не существовало. После университета в своем активе она насчитывала очень приличный английский, плохой немецкий и совсем плохонький французский. Этого было более чем достаточно, чтобы чувствовать себя комфортно в любой туристической зоне. Лена всегда с удовольствием болтала с персоналом гостиниц, торговцами на рынках, и всеми остальными на английском, чтобы поддерживать его. По-русски старалась не говорить совсем, справедливо полагая, что так интереснее. Ей даже часто не верили, что она русская, а потом обязательно спрашивали: «Скажите, мадам, почему русские не хотят говорить по-английски?». Кстати, этот вопрос Лена и сама часто задавала себе, ведь у нас в стране английский язык всегда являлся необходимой частью школьной программы, и учили ему всегда неплохо. Сама же себе она отвечала, что в российской школе и даже в институте учат чисто академическому английскому и не преодолевают барьер перед разговорной речью, не умеют «разговорить» школьника или студента. Егор у Лены, кстати, закончил двуязычную спецшколу и с помощью Лены и отличного частного репетитора спокойно болтал на английском и французском, ничуть не пугаясь собственных грамматических ошибок.

Являясь опытным путешественником, Лена всегда собиралась в дорогу быстро, так как имела под рукой все необходимое, чтобы из зимы было легко переместиться в лето. Неизменным атрибутом ее путешествий являлась огромная синяя шляпа с цветком на тулье, так выцветшая под солнцем разных стран, что казалось, она сделана из вытертой джинсы. С грустью подумав, что шляпа, наверное, переживет свою хозяйку, Лена засунула ее поверх вещей в чемодан.

– Егор, что тебе привезти из Египта? – спросила, чтобы не нарушать традицию, тоже пакующего вещи сына.

– Привези мне кого-нибудь живого, обезьянку, или попугая.

– Во-первых, животных не из одной страны мира нельзя вывозить, во-вторых, ты думаешь, в Египте есть обезьяны или попугаи? – с сомнением спросила Лена.

– Привози, что хочешь, я тоже что-нибудь привезу. Мне уже пора выходить.

Лена с Гномом проводили Егора, снабдив его стандартным набором советов, которые он выслушивал при каждом своем отъезде, начиная с десяти лет. При мысли, что, скорее всего, она видит сына последний раз, на глаза у Лены наворачивались слезы, которые были списаны на горечь прощания.

– Послушай, по-моему, за последние дни ты здорово похудела, хорошо выглядишь, – сказала мама.

Надо сказать, борьбу с лишним весом Лена вела столько лет, сколько себя помнила. Победители в этой борьбе постоянно менялись. То ей удавалось за полгода сбросить почти двадцать килограмм, то опять стремительно набирался вес. Еще у Лены была такая особенность: если она сильно волновалась, то совсем не могла есть, худела и выглядела при этом, конечно, лучше. Вообще, все женщины в Лениной семье смотрелись молодо, это была, видимо, генетическая

предрасположенность. Например, ее бабушке в возрасте восьмидесяти пяти лет больше шестидесяти не давал никто. Сейчас ее мама тщательно и успешно скрывала свой возраст, и если кто-то из ее клиенток случайно его узнавал, то удивленно хлопал глазами, отказываясь верить.

– Мам, если без меня какие проблемы будут, у тебя или у Егора, ты к Сережке обращайся.

Имелся в виду папа Егора, которого Ленина мама терпеть не могла за то, что расставшись с Леной, когда его сыну было полгода, он потом не появлялся много лет. Сама Лена давно простила бывшего мужа за все и почти уже вычеркнула из своей жизни, поддерживая отношения только ради сына. Егор познакомился с отцом в двенадцать лет и сейчас относился к нему очень спокойно: приходит – хорошо, можно поболтать и послушать, нет – тоже не беда, других дел хватает. Но, когда Лена уезжала, она всегда просила бывшего мужа присмотреть за своими близкими, так как полагала, что только он один, среди всех ее знакомых, обязан сделать это хорошо.

Последние дни пролетели очень быстро. Впервые Лена, отправляясь в путешествие, чувствовала не радость, как всегда, а великую грусть.

Она тоже старалась каждый день смотреть криминальную хронику, надеясь обнаружить еще сообщения о пропавшей у кого-нибудь очень крупной сумме денег. Но ничего похожего больше уже не было, кроме того сюжета о сгоревшей на Минском шоссе инкассаторской машине. Скорее всего, действительно, ее деньги появились оттуда, и Влад имеет к ним самое непосредственное отношение.

День Икс наступил. В двенадцать часов Лена ожидала Влада в аэропорту Шереметьево С. Как всегда, в зоне отлета кипело оживление. Пристально всматривались в электронные табло озабоченные люди разных возрастов и национальностей, стараясь скорее узнать номера стоек для регистрации. В креслах дремали транзитные пассажиры, дожидаясь своего следующего рейса.

Несмотря на все душевные терзания, Лену сопровождал огромный, доверху набитый чемодан на колесах, с логотипом сборной России на боку. Она всегда брала в полеты этот Егоров чемодан, так как давно заметила, что он выезжает всегда из багажа одним из первых. За это, вероятно, надо благодарить грузчиков в аэропортах, уважительно относящихся к спортсменам.

Влад появился совсем скоро. С радостной улыбкой, в светло-голубых, почти белых, джинсах и яркой гавайской рубашке под тонкой кожаной курткой, он выглядел всем на свете довольным, и Лена еще раз подивилась его цинизму, черствости. Мысленно она уже махнула рукой на себя, на то, что будет. Нервы не могли постоянно находиться в напряжении и волнении, не выдержали и перешли в режим торможения. Ее охватили вялость, апатия. Со стороны это выглядело как полное спокойствие. Сама же она приняла решение жить и, по мере возможности, наслаждаться одной минутой, и не заглядывать в будущее.

Быстро пройдя регистрацию и границу, они с удовольствием побродили по беспопыльному магазину, покурили. Лена хотела купить с собой блок сигарет, но Влад уверил ее, что в Египте отличный мягкий табак, намного лучше и дешевле, чем здесь. Ожидая посадки, они даже выпили малюсенькую бутылочку ликера Малибу, купленную тут же. При других обстоятельствах Лена чувствовала бы себя абсолютно счастливой.

Самолет оказался старый, неудобный ИЛ-86, пахнувший внутри пылью, собранной за несколько десятилетий по разным углам планеты. Правда, им повезло с местами. Благодаря габаритам Влада, кресла они получили около запасного люка, можно было устроиться с комфортом, вытянув ноги. В Хургаду должны прилететь в восемь часов вечера.

В ряду прямо перед ними сидела совершенно очаровательная молодая пара. Красивый, как античная скульптура, араб в европейской одежде, а рядом с ним миловидная пухленькая блондинка. Весь полет юноша заботливо ухаживал за своей спутницей, а она весело принимала его заботу. Даже из заднего ряда было очевидно, что это жених и невеста или молодая

супружеская чета. Причем, говорили ребята по-русски. Лена даже взгрустнула, глядя на них и немного завидуя. Хотя ей уже можно было мечтать не о любви, а о внуках. А что? Вот пройдет лет пять, и такая же девчушка уведет ее Егора, а там и дети пойдут. Для себя Лена решила, что обязательно станет плохой бабушкой. Нет, конечно, она с удовольствием будет возиться с внуками, а еще лучше, с внучками, но только время от времени, а не постоянно, детей обязательно должны воспитывать родители, только тогда они будут счастливыми, слишком велик разрыв в два поколения. Впрочем, до этого всего можно и не дожить. Как-то рано она размечталась и распланировалась.

Люди в самолете все были веселые, довольные началом отпуска, настроенные на отдых. Несмотря на строжайший запрет, кое-где явно шла дегустация купленных в беспрошленном магазине спиртных напитков. Даже песни местами пытались затянуть. Лена позавидовала еще раз. Не было бы этой ужасной истории, может, и она бы сейчас наслаждалась жизнью и вожделенными каникулами.

Через четыре с половиной часа в иллюминаторе показалась сквозь темноту кружевная россыпь огней. Это светились огромные отели, тянущиеся вереницей вдоль моря. Иногда можно было различить даже лужицы бассейнов. Зрелище выглядело совершенно фантастическим. Зашелкали фотоаппараты, но картинка не получалась, смазывалась, наверное потому, что самолет еще летел.

Наконец, после небольшого толчка, они почувствовали, что приземлились. Самолет покатился, направляясь к еле видимым в темноте небольшим строениям. Веселые пассажиры поблагодарили пилота аплодисментами. Лена с Владом спустились по трапу. Воздух был сухой и теплый, пахло чем-то неуловимо-восточным, как пахнет во всех южных странах: то ли экзотическими цветами, то ли морем, то ли пряностями, а может – всем вместе. Ночной аэропорт Хургады Лене не понравился: темный, какой-то провинциальный. Выйдя из него, путники оказались на узенькой бетонной дорожке, вокруг которой лежали груды песка. На каждом повороте стоял араб с табличкой, где была нарисована стрелка, указывающая куда идти. Вообще-то в аэропортах других стран такие указатели висят на обычных столбиках. Но, может, здесь так, чтобы безработицы не было. И пейзаж вокруг какой-то мрачный. Или так только казалось, сказывалась усталость от перелета и общий пониженный тонус.

Вот спрашивается, что она здесь делает, в стольких тысячах километрах от дома, и неужели эта мрачная страна станет последним впечатлением в ее жизни? А она еще в Мексику не съездила, как давно мечтала, и в Новую Зеландию хотелось. И еще долго можно перечислять, где не была. Какая романтика, спрашивается, может быть в таком диком месте?

Автобус заполнялся мучительно долго, почти целый час. Но, наконец, тронулся и буквально через десять минут остановился у здания со стеклянными дверями, над которыми было написано «Октопус инн».

А вот отель сразу поразил великолепием интерьера. Казалось, что ты попал во дворец султана из сказки. Лобби занимало метров шестьсот, посреди него бил фонтан, в котором плавали золотые рыбки, почти как в наших аквариумах, только величиной с ладонь. Вокруг были расставлены шелковые диваны и кресла со стеклянными столиками, на которых, к радости Лены, стояли пепельницы. Вот что значит Восток, здесь уважают желание и потребность человека покурить в красивом окружении, не то, что какие-то мерзкие курительные комнаты или, еще хуже, лестницы, где курят сотрудники многих наших учреждений.

Номер ей достался на последнем этаже и тоже потряс роскошью: кожаная мягкая мебель, кровать под балдахином, терраса-балкон, с которой были видны пальмы и, вроде, море, плазменная панель во всю стену с четырьмя российскими каналами. Кстати, Лену всегда удивляло, с какой помпой в рекламах отелей подается наличие в номерах телевизоров с российскими каналами. Лично она нигде никогда, находясь на отдыхе, телевизор не включала, всегда находились более приятные развлечения.

Плохо было только, что номер Влада помещался прямо за стенкой, причем Лена заметила, что он поселился в двухместном. Они договорились встретиться через полчаса за ужином.

Приняв душ, разобрав вещи и отправив в сейф деньги и документы, Лена надела любимое французское шелковое платье, имитирующее наряды женщин времен Джейн Остин, сообщила маме об успешном прибытии, немного подкрасилась, и почувствовала в себе желание к продолжению вечера, тем более, что очень хотелось есть, правда она еще не знала, чем здесь, в Египте, кормят. Влад тоже был уже готов, и они отправились на поиски ресторана. Ресторанов в отеле оказалось четыре, но они решили остановиться на шведском столе, который располагался на свежем воздухе около бассейна в окружении мангалов.

Еды вокруг были просто горы. Глаза разбегались. Особенно поразительно выглядели сладкие столы, которые буквально ломались от тортов, пирожных, печений, желе, муссов, и других невообразимых вкусов самых разных цветов и размеров. Спиртного тоже было много. Лена положила себе в тарелку шашлык из какого-то темного, абсолютно постного мяса. По вкусу оно было чем-то средним между говядиной и бараниной.

– Из чего это сделано? – спросила она у Влада.

– Верблюжати́на. Египтяне много из нее готовят. Свинину они не едят, и даже в отелях не подают, а говядина здесь стоит очень дорого. Извини, мне надо позвонить.

И мужчина отошел от столика подальше в сторону, чтобы женщина не слышала его разговора.

– Да, сюрприз наш пока задерживается, – сказал Влад, когда вернулся.

Лене уже надоело бояться, и она решила не обращать внимания на его слова. Здесь было так хорошо и спокойно, что все дурные мысли сами собой улетучивались прочь.

– Слушай, а что в Египте самое интересное?

– Подводный мир. Тут такие кораллы и рыбы, каких нет нигде. Даже Большой барьерный риф в Австралии уступает Красному морю. Когда видишь это впервые – наступает просто шок. Полное впечатление, что ты попал на другую планету или внутрь телевизора. Так просто это не рассказать, надо видеть. Ты с аквалангом плаваешь?

– Плаваю, но не люблю дайвинг, я очень сильно устаю.

– Можно и с маской, мы обязательно поплывем на яхте к коралловым рифам, ты сама все увидишь.

Вторая бутылка красного вина уже подходила к концу, а они все беседовали среди цветов у бассейна. Влад рассказывал про свое детство, про службу во флоте, травил всякие морские байки про клады на старинных кораблях, рассказывал про обитателей глубин Красного моря. Беседа текла приятно, мирно, непринужденно.

– А у тебя в детстве секреты были? – спросил вдруг он.

– Были, конечно, как без них.

– А ты свои клады где хранила?

– Знаешь, у меня в комнате, – Лена почувствовала, что набралась уже изрядно, – была и есть кладовка. Еще когда мне было лет двенадцать, я оборудовала там тайник.

– И что ты там хранила?

– Много чего хранила. В разные годы – разное. В детстве всякую красивую ерунду, потом любовные записки, фотографии, деньги иногда хранила.

– А сейчас что там бережешь?

– Ничего, уже давно пустой стоит.

– Что, теперь и хранить совсем нечего?

– Да, совсем нечего, все в других местах хранится, и ничего секретного в моей жизни не осталось, – Лена даже чуть не всплакнула от жалости, что ей уже нечего прятать.

– Слушай, подруга, да ты, похоже, напилась! Пойдем к морю, поветримся.

Они прошли по аллее среди бунгал, стилизованных под хижины. Стены их были увиты огромными фиолетовыми цветами, которые одуряюще благоухали в ночном воздухе. Впереди серебрилось в лунном свете море. Лена хотела снять босоножки и поплескаться у кромки воды, но Влад не разрешил.

– Это не Черное море, здесь ночью нельзя заходить в воду, там могут быть морские ежи и ядовитые рыбы, которые подходят к берегу погреться.

Они уселись на лежак и долго наслаждались тишиной, лунной дорожкой на воде, вглядывались в огромные звезды на бархатном небе.

Утром Лена проснулась совсем рано, в шесть тридцать. Прощлепав на террасу, она полюбовалась роскошной панорамой: под ярким солнцем искрилось и переливалось море, все вокруг просто утопало в зелени и разноцветных экзотических цветах, пляж манил светло-серым чистым песочком. Немного портило настроение только воспоминание о лишнях фужерах вина за ужином. И еще было какое-то смутное ощущение, что она вчера что-то сделала или сказала неправильное. Но Лена решила подавить все негативные эмоции и, пока есть возможность, наслаждаться жизнью. Тем более что с соседнего балкона не доносилось ни звука, и это вселяло надежду, что хотя бы несколько часов она проведет в одиночестве, к собственному удовольствию.

Собрав в огромную сумку все для пляжа, нацепив яркий сарафан и прихватив свою любимую шляпу, она отправилась завтракать. В ресторане было еще пустынно. Только два или три столика были заняты такими же, как Лена, ранними пташками.

Набрав целую гору поджаристых блинчиков, маслин, и острого творога, наполнив большую кружку крепким кофе, Лена разместилась на улице под пальмой. За соседним столиком завтракала немолодая, лет шестидесяти с чем-нибудь, дочерна загорелая женщина с короткими серебристыми волосами ежиком. Она уже закончила свой завтрак и, достав сигарету, рылась в сумке, видимо, в поисках зажигалки. Зажигалка никак не находилась. Как нарочно официантов, у которых можно было прикурить, вокруг тоже не наблюдалось. Лена достала зажигалку и издали показала женщине.

– Спасибо. Можно к Вам присесть? Меня Людой зовут, – подошла к ее столику незнакомка.

– Конечно, садитесь. Как Вам здесь отдыхается?

Лена уже давно заметила, что на отдыхе за рубежом соотечественники как-то очень легко и по-доброму сходятся для необременительной легкого приятельства, беседы. Особенно это заметно в аэропортах при отлетах. Туда летит самолет уставших, бледных, заморенных людей, каждый сам по себе. Обрато отправляется дружная компания веселых, загорелых сообщников, все легко обращаются друг к другу, шутят, угощают соседей спиртным, сладостями, фруктами, все расслаблены и довольны. Заканчивается все в Шереметьево при получении багажа. Баста, отдых закончен. У всех на лицах проступает сосредоточенность, все уже мысленно окунаются в ожидающие их будни.

Конечно, в каждом отеле есть и склочники, и любители посплетничать на чужой счет. Есть категория отдыхающих, которым не нравится решительно все, и они изводят персонал мелкими придирками, а своих соседей нудными жалобами. В лобби каждого отеля всегда вечером собирается стайка дам, как на скамейке у подъезда, иногда даже с семечками, которые судачат обо всех постояльцах, смотрят, кто и что несет из магазинов. Но, по большей части, люди на отдыхе дружелюбны и позитивно настроены.

– Хорошо, отель просто замечательный. Мы тут с племянницей, она еще спит. А вы недавно прилетели?

– Да, только сегодня ночью.

– А мы здесь уже десять дней. Вы раньше бывали в Египте?

– Нет, я первый раз.

Закончив завтрак, дамы медленно двинулись в сторону пляжа.

– И мы первый, мне очень понравилось. А вы одна?

– Нет, я с коллегой по работе, он тоже еще отдыхает.

Пляж оказался маленьким, но очень чистым, навесы от солнца были покрыты аккуратными связками пальмовых листьев. За ночь вода в море поднялась, и первый ряд лежаков практически стоял в воде. Лене всегда нравилось загорать в непосредственной близости от воды, что, к сожалению, запрещено на многих пляжах, где навесы с лежаками располагаются метрах в пятидесяти от моря, через волейбольные площадки и лотки с сувенирами и мороженым.

Женщины уютно устроились на топчанах и продолжали мирно болтать о погоде, местной кухне, экскурсиях, покупках, в общем, о своем, о женском. Море оказалось очень теплым и ласковым, и совсем несоленым, по крайней мере, в сравнении со Средиземным.

– Кстати, знаете, что меня больше всего поразило здесь, в Египте? – спросила Люда, – это местные мужчины. Вот идешь по улице, они все тебе комплименты говорят, пытаются пригласить куда-то. Удивительное дело, я себя здесь опять женщиной почувствовала, красивой, интересной. У меня, честно говоря, внуки уже взрослые, а тут мной совсем молодые мужчины интересуются, лет тридцати-сорока. Приятно. Я смелости набралась и у одного из них спрашиваю: «Ты ж моложе меня намного, что, по-твоему, я еще ничего?» А он мне: «Да, по нашим меркам еще годитесь, мадам!»

– Да, я знаю, восточные мужчины очень плохо определяют возраст европейских женщин, если только они сами долго не жили рядом с нами. Южные женщины очень хороши в молодости, но быстро стареют, а мы консервируемся. Еще я где-то читала, что в Египте большая часть мужчин вообще поздно женятся, около сорока, потому что им нужно выкуп за жену большой заплатить, сколько-то там верблюдов, а его, если мужчина из небогатой семьи, еще и заработать надо, на это часто уходят десятки лет. Еще они, вроде, не имеют права прикасаться к женщине, тогда она считается оскорбленной.

– Знаете, здесь постоянно идет такая игра. Арабские мужчины: в гостинице, в магазине, в такси, стараются незаметно дотронуться до нас, до женщин. Им это очень нравится, так они чувствуют себя победителями. Нам же все равно, мы часто при встрече руки мужчинамжимаем, а то и целуемся. Кстати, девочки молоденькие здесь во всю этим пользуются. Племянница моя с еще одной девушкой вон по пустыне с бедуинами на квадроциклах абсолютно бесплатно гоняют. Говорит, арабские юноши безопасны, им поболтать интересно, покадриться.

В десять утра открылся пляжный бар, и Лена отправилась взять что-нибудь попить. В углу стойки стояли высокие стаканы с полосатым разноцветным содержимом. Женщина уже знала, что это налитые рядами фруктовые соки, заготовки для коктейлей, куда потом бармены наливают спиртное по заказу посетителей: ром, джин, водку или еще что-нибудь. Лена взяла два холодных разноцветных стакана и повернулась, чтобы идти обратно.

– Мадам, мадам, – к ней обращался бармен, – не надо это брать, там нет алкоголя! Там только сок! Давайте, я ром налью.

– Мне не нужен алкоголь в десять утра, – и Лена решительно пошла к своему месту. Бармен проводил ее удивленным недоверчивым взглядом.

Кстати, к этому часу на пляже стала появляться новая категория отдыхающих: синева-тая, небритая, помятая, в основном мужского пола. Видимо, только что проснувшись к закрытию ресторанов после завтрака, они потянулись к пляжному бару в поисках еды, или, скорее всего, продолжения банкета. К одиннадцати многие из них уже мирно похрапывали на плетеных стульчиках и диванах бара. Солнце, между тем, пригревало все сильнее. Даже у воды становилось невыносимо жарко. На пляже появилась бригада молодых арабов, одетых в серую униформу, утром они же подметали дорожки между хижинами и поливали растения. Они аккуратно, под локти поднимали закемаривших в баре туристов и отводили их подальше, в тень,

под навес, укладывали на лежаки и прикрывали сверху полосатыми гостиничными пляжными полотенцами.

– Чтобы не обгорели, – прокомментировала Люда, – их называют тут куколками. К вечеру и здесь, и на лежаках у бассейнов таких свертков будет все больше и больше.

– Да, миленькое времяпрепровождение. Стоило ли ехать так далеко, чтобы так квасить. Это можно ведь и на собственной даче недельку оторваться. Дешево – и сердито.

В двенадцать Люда ушла будить племянницу, а Лена решила поболтать с мамой.

– Мам, здравствуй, как у тебя дела, от Егора что-нибудь слышно?

– У меня все в порядке. Егор тоже отзвонился, что у него все нормально, даже экскурсия у них обзорная была по городу. Так что ты не волнуйся. Знаешь, тут мужчина какой-то приходил, представился соседом снизу, помнишь, там недавно квартиру купили, еще все стучали, ремонт делали. Сказал, что мы их заливаем из твоей комнаты, где кладовка. Я ему предложила посмотреть, что у нас везде сухо. Он там долго рылся в кладовке, сказал, трубы, которые к батареям подходят, осматривал, но никаких протечек не нашел. Когда ушел, я там прибраться решила, смотрю, а в углу весь паркет какой-то перекошенный, как будто там его снимали. Нет, ну ты представляешь, как нагло люди себя ведут. В чужой квартире пол попортил без спросу, тем более, что и не от нас к ним протекло!

– Ладно, мам, я когда вернусь, со всем разберусь и все сделаю. У меня тоже все хорошо, вот загораю тут на пляже. До свидания!

Лена кое-как доплелась до номера и рухнула на кровать. Наконец она поняла, что тревожило ее все утро, пока она так безмятежно наслаждалась жизнью. Она же рассказала вчера Владу про свой тайник в кладовке!!! Надо же, так успешно делать вид, что она ничего не знает, ничего не понимает, и так проколоться! А Влад-то как оперативно сработал! Уже кому-то позвонил, и денежки у нее изъяли. Нет, денег-то совершенно не жалко. Это даже хорошо, что их хозяева забрали, это из-за них ее жизнь превратилась в фильм ужасов. Дальше-то что? Теперь Владу и его сообщникам осталось только ее убрать, и вся эта история спокойненько канет в Лету. Только вот Лене, например, совсем не хочется, чтобы ее убивали, у нее еще и на этом свете достаточно дел есть. Что-то надо придумывать. И сначала надо от Влада избавиться! То есть, как это избавиться? Вот она уж точно не способна никого убить. Может где-нибудь потеряться от него? Или пусть он подумает, что она утонула. Предположим, его-то она как-нибудь обманет, но в отеле еще люди живут и работают, они тоже ее искать будут и, вполне вероятно, найдут. И потом, где ей прятаться, жить, и обратный билет на самолет у нее на тот же рейс, понятное дело, что и у Влада. Нет, нереально! Это практически не осуществить. Что же еще-то придумать? Ведь нельзя сидеть и ждать, когда тебя, как безмозглую овцу, поведут на бойню. Может, как-нибудь заманить Влада на необитаемый остров и там бросить? Интересно, как ей удастся такого здорового мужика где-то бросить без его на то воли, да и не уверена она, что здесь есть какие-то необитаемые острова. Правда, тут в буклете написано об экскурсии на остров Утопия, это такой маленький остров, который ночью уходит под воду, а утром всплывает. Может, Влада как-нибудь там оставить после экскурсии. Но островок-то совсем маленький, просматривающейся насквозь, как она его там оставит, в песок, что ли, зароет? Да и гиды за своими группами следят, на яхтах по несколько раз пересчитывают. И потом – это тоже будет убийство. Нет, на это она не способна даже под угрозой собственной гибели! Да и во Владе ли только дело! Вон, у него сообщников сколько. Один уже к ней домой наведлся. Кого-то он здесь ждет, чтобы ее сподручнее убивать было. Но все равно, какие-то пути к спасению искать надо! Может, если ей удастся от них оторваться, то они не будут ее уж так тщательно искать. Деньги-то теперь, слава Богу, у них, а не у нее.

Так ни до чего толкового не додумавшись, Лена сама не заметила, как крепко уснула.

Разбудил ее звонок стоящего на тумбочке около кровати веселенького красного телефона. Это, наконец, объявился Влад.

– Ты тоже все еще спишь?

– Сейчас не сплю, ты меня разбудил. Но я уже и позагорала, и искупалась.

– А я, веришь, только полчаса назад проснулся, восемнадцать часов проспал, зато чувствую себя, будто только что заново родился. Давай, собирайся быстрее, а то на обед опоздаем.

Конечно, Лена в это не поверила. Как же, спал он! Еще и с Москвой с утра успел связаться, и какого-то паразита ей домой послал. Главное, еще прикидывается таким милым и добродушным. Прямо кот Матроскин на отдыхе! Настроение совсем упало, хотелось зарыться в подушку и долго всласть реветь, пока со слезами не уплывут все тревоги. Но для этого сейчас было не время. Кое-как приведя себя в порядок, Лена выползла из номера. Посвежевший Влад уже ждал ее у окна в пронзительно зеленых шортах и оранжевой майке с египетским солнышком.

– Вау, ты, правда, загореть уже успела. Как водичка в море?

– Отличная.

Для обеда они выбрали итальянский ресторан.

– Лен, ты домой уже звонила?

– Ну да, несколько раз, и маме, и Егору, а что?

– Да вот, никак сегодня ни с кем связаться не могу, что-то соединения нет. У тебя дома все хорошо?

Вот врет-то, связаться он не может. А если и правда не может, так и слава Богу, меньше со своими бандитами и душегубами консультироваться будет.

– Все хорошо у всех. Что после обеда делать будем?

– Пойдем, на пляже полежим, а то я еще моря толком не видел.

– Хорошо, пойдем.

На пляже Влад немедленно опять заснул. А вот говорят, что нечистая совесть спать не дает. Это, видимо, у всех по-разному бывает. Лена огляделась по сторонам. Куколок вокруг, действительно, прибавилось. Ленино внимание привлекла очень колоритная фигура, шествовавшая по дорожке. Высокого роста парень, чистый Вася по виду, был одет в черную мужскую галабею до щиколоток. Из-под нее виднелись лапы, по виду размера сорок шестого, обутые в плетеные сандалии, на голове накручен черно-белый платок. Поверх галабеи висела толстенная золотая цепь с крестом. Парень напевал: «Ши-ша, ши-ша». Ой, шиша по-арабски, вроде, значит кальян, вспомнила Лена.

Когда она была студенткой, вместе с ними учились несколько арабов, которые научили девочек нескольким арабским выражениям: «доброе утро, день, вечер; здравствуйте, до свидания», и еще в том же духе. Когда в прошлом году Лена была в Эмиратах, видимо от обилия арабской речи вокруг, эти давно забытые фразы вдруг всплыли откуда-то из запасников памяти. У нее были кое-какие сомнения по поводу того, что они обозначают на самом деле, мало ли чему их там могли обучить арабские мальчишки. Тогда Лена решила опробовать эти выражения на пожилом приличном таксисте, который вез ее в город, предварительно честно признавшись, что она не уверена, что они означают то, что она думает. Таксист фразы и Ленино произношение одобрил. К счастью, там не оказалось ничего неприличного, и потом Лена с удовольствием развлекалась тем, что вставляла их время от времени где-нибудь в разговор, вызывая искреннее изумление арабов. Вот и сейчас, давным-давно выученные экзотические фразы обновились в ее памяти.

Между тем солнышко уже начинало садиться, и удушающая жара сменилась вечерней свежестью. Пора было уходить с пляжа. Лена разбудила Влада.

– Ох, мне кажется, я теперь на всю жизнь вперед выпался. Может, завалимся вечером в ночной клуб?

- Нет, не хочу, я пойду по магазинам прошвырнусь.
- Может, я с тобой?
- Как хочешь. Вообще-то я по магазинам одна люблю ходить, торг – дело интимное.
- Ну ладно, созвонимся потом.

Через полчаса Лена уже вышла из отеля на все еще теплую, но уже оживленную вечернюю улицу. Их отель размещался в новом центре Хургады, недалеко от Макдональдса. Вся улица представляла собой два ряда маленьких и больших магазинов, по которым сновали довольные собой и окружающим туристы, собравшиеся сюда со всех уголков земного шара.

Лена обожала восточные безделушки и восточный торг. У нее давно сложилась целая система шопинга в курортных зонах, которая всегда работала и приносила ощутимые скидки. Торг на Востоке – не только средство сэкономить деньги, но и целое театрализованное представление, приносящее удовольствие и продавцу, и покупателю. Конечно, во многих старых курортных центрах, например в приморских городах Турции, эти традиции уже утрачиваются, торговцам хочется побыстрее и подороже сбыть товар, поэтому торгуются они агрессивно, что, в общем, для восточных стран нехарактерно. Но и там, если они видят, что покупатель придерживается определенных правил торга, тоже охотно вступают в игру.

Первое правило, которое обязательно надо соблюдать – никогда ничего не покупать в самые первые дни, пока ты еще не загорела и не осмотрелась. Продавцы по состоянию твоей кожи видят, что ты только что приехала, и заламывают цены до небес. Первые дни надо просто походить, посмотреть, послушать какие цены называют другим. Второе важное правило – не надо спрашивать цену вещи, которую ты не собираешься покупать. Спросив цену – даешь понять, что готов вступить в торг. Конечно, нам, русским, тяжело обходиться без цен, как мы привыкли дома, в своих магазинах и на рынках. Но, на Востоке своя психология, которой придется подчиниться. Главное, знать не цену продавца, а сумму, за которую ты твердо хотел бы купить ту или иную вещь. Кстати, рассматривать вещи, мерить, никто тебе не запрещает. Иногда продавцы сами предлагают назвать цену. Отказывайся, если ты еще не готова к покупке.

И вот, ты уже загорелая и присмотревшая себе нужные покупки, готова к поединку. Спрашиваешь, сколько стоит. Что бы тебе не ответили, реакция должна быть одна – молча кладешь вещь обратно и направляешься к выходу. Третье важное правило – никогда не вступай в торг первой, иначе ты заведомо проиграла. Тебя обязательно остановят вопросом, сколько бы ты хотела за это заплатить. И вот тут наступает самый сложный в психологическом плане для русского человека момент. Надо назвать цену в несколько раз меньше той, которую тебе предложили. Особенно задирают цену в магазинах около отелей и в других местах скопления туристов. Ничего не бойся, ты уже представляешь, сколько это может стоить, или просто у тебя есть свой предел. Называй цену процентов на тридцать меньше той, которую ты для себя определила. Самое страшное, что может случиться и то, только в переполненных туристами турецких лавках, тебе просто скажут: «Нет, мадам», тогда ты спокойно отправляешься в другой магазин, ассортимент-то везде приблизительно одинаковый, и начинаешь все с начала с другими цифрами. Скорее всего, ты очень занизила цену, захотев купить даже ниже закупочной стоимости. Но так бывает редко. Более вероятно, с тобой начнут торговаться. Поднимайся постепенно, никуда не торопись, особенно если это крупная и дорогая покупка. Веди себя вежливо, но не позволяй панибратства, особенно не разрешай прикасаться к себе, даже пожать руку, этим ты себя роняешь в глазах их мужчин, старайся говорить больше комплиментов, и ты тоже услышишь их множество. Если продавец повторяет одну цену уже десять раз и отвлекается на посторонние рассказы и предметы, даже если ты все еще повышаешь свое предложение, значит, он уже достиг минимума, и дешевле продать не может, тебе решать, как поступить, купить или уйти. Если же ты назвала правильную реальную цену, скорее всего ты за нее все купишь. Торговаться надо тихим голосом, не привлекая к себе внимание других покупателей и делая вид, что у тебя масса свободного времени, и ты готова сидеть (сидись обязательно,

когда тебе предложат) хоть до утра. Ни в коем случае нельзя жаловаться на то, какая ты бедная-несчастливая, необеспеченная. Восточные продавцы считают, что в Европе деньги растут на деревьях, так как что-то слышали о наших зарплатах, но ничего о ценах и расходах. Когда им жалуются, они считают, что их пытаются обмануть. Женщинам вообще проще, торговцы в основном мужчины, они могут отдать все тебе намного дешевле, за то, что ты принадлежишь к прекрасной половине человечества. Иногда даже в том случае, если в магазине есть ценники и, следовательно, торговаться нельзя. Диалог выглядит приблизительно так:

– Здравствуйте, у Вас лучший магазин в городе. Таких сумок (шапок, джинсов, кожаных курток) нет ни у кого.

– Спасибо, вы такая красивая девушка, что я все отдам Вам бесплатно.

– Что Вы, как можно бесплатно, я обязательно заплачу за такие великолепные вещи.

– Что Вам понравилось?

– Вот это. – К примеру, сумка за девятью пятью долларом.

– Только для Вас, мадам, семьдесят долларов, – Ты уже отторговала двадцать пять долларов за вежливость, будешь дальше вести себя правильно, купишь эту сумку за сорок. Тем, кому такие торги кажутся неинтересными, страшными и обременительными, лучше поискать большие универмаги или маленькие магазины с ценниками. Там вы купите подороже, чем после торговли на рынке, но поменьше, чем первые ставки продавца. Кстати, эти магазины подходят и для определения реальных цен, за которые ты можешь купить все это на рынке, где должно быть вполтину дешевле.

Сегодня Лена, как раз, выбралась на ознакомительную экскурсию. Вокруг было здорово! Прямо на улице стояли лотки с горами фруктов: клубникой, апельсинами, манго, лаймами, гуавой. Рядом из них же давили соки. Большой стакан стоил доллар! Лена, конечно, несколько раз не удержалась. Пахло крепким кофе, пряностями, кальянами, ароматическими маслами. Магазины ломались от самых разнообразных товаров: изображений египетских богов из дерева, камней, металлов; папирусов; сумок и курток; платьев, шорт, маек; ювелирных украшений из серебра и золота; бус; вышивок; кальянов. Экскурсионные бюро заманивали копеечными ценами, раз в шесть меньше, чем предлагали в отелях.

Лена толкнула дверь в маленькую лавку, торгующую золотыми и серебряными украшениями.

– Добрый вечер, мадам.

– Маса эль хир! (Добрый вечер!)

– Таариф араби? (Вы говорите по-арабски?)

– Ля, ана мишь калям араби (Нет, не говорю.)

– Мадам хочет золото или серебро?

– Я люблю серебро.

– Да, я вижу у мадам много серебряных украшений.

– Меня интересуют украшения для мужчин, в частности кольца большого размера. – Егор у Лены тоже обожает серебряные украшения.

– Вот мадам, и совсем дешево!

– Дешево, это сколько?

– По-разному, в зависимости от вещи.

– Понятно, что по-разному, но меня интересует цена за грамм в работе.

– Четыре-пять долларов.

– Это дорого! У нас в стране можно найти дешевле.

– Хорошо, мадам, только для Вас – все по два доллара за грамм, я вижу, вы любите украшения.

Украшения действительно были чудесные. Некоторые кольца состояли из двух частей, и верхняя часть, украшенная затейливыми рисунками, вращалась. Другие состояли из несколь-

ких отдельных колец, завязанных замысловатыми узлами, а в руках распадались на несколько самостоятельных вещей.

– Спасибо, я обязательно еще зайду к Вам, у Вас замечательный магазин.

– Буду ждать, мадам.

Лена побродила по магазинчикам и решила еще раз вернуться в ту же лавочку, предложенная цена была действительно низкой. Она опять свернула, как ей показалось, на ту же улицу, и пошла вперед. Но магазинов становилось все меньше, свет все более тусклым, а знакомое название не появлялось. Лена поняла, что ошиблась улицей и решила повернуть обратно. Тут сбоку от нее послышалось:

– Хай, мадам!

– Гуд ивнинг!

Рядом с женщиной стоял пожилой араб. На английском он спросил, откуда Лена.

– Из России.

– Вы не хотели бы посетить мой массажный салон египетских масел, мадам? Только, к сожалению, я не говорю по-русски.

– Это не проблема. – Лене очень хотелось разобраться с египетскими ароматическими маслами, но около отеля какие-то мальчишки, не внушающие доверия, толкали, ничего не объясняя, небольшие пузырьки по двадцать долларов.

– Я бы очень хотела, но я ничего не знаю о египетских маслах, хотя некоторые мои подружки просили купить им что-то, у меня даже названия записаны. И еще я не плачу больше, чем фунт за грамм. – Во время своей прогулки Лена уже поняла, что это вполне реальная цена. Она уже устала, чтобы торговаться по всем восточным канонам.

– Меня такая цена устраивает. Прошу, мадам.

Небольшой салон напоминал пещеру Али-Бабы из сказки. В стеклянных витринах стояли тысячи разноцветных стеклянных флакончиков, вдоль стен красовались красные бархатные диванчики для массажа, а пахло там так, как, наверное, пахнет в райских садах.

Владельца салона звали Шариф. Он рассказал, что занимается массажем и маслами уже больше двадцати лет, также как его отец и дед. Оказывается, есть специальные парфюмерные масла, которые используются вместо духов, а есть лечебные, которые применяются при заболеваниях. Парфюмерные масла нельзя смешивать со спиртом, он убивает запахи, зато можно сочетать с водой. Даже одна капля на стакан воды дает сильный запах. Лена перенюхала сотню масел, купив себе и подружкам. Шариф предложил бесплатно, в подарок, выбрать флаконы для духов. Красивые как цветы, они выдуваются вручную, и каждый из них смотрелся произведением искусства.

– Выберите вы для меня.

– С удовольствием, мадам.

– А можно я задам немного интимный вопрос?

– Пожалуйста.

– Почему, особенно от арабских женщин, но и мужчин тоже, так божественно пахнет? Даже когда мои подружки пользуются вашими маслами, им далеко до них.

– Может быть, особенности кожи и нашего солнца, мадам. Наши женщины пользуются маслами с самого раннего детства, считается, что запахи масел отгоняют злых духов. Мужчины, обслуживающие вас в отелях специально пользуются привлекающими женщин гаремными ароматами. Вам нравится Ваш отель, мадам? – Шариф посмотрел на браслет отеля.

– Да, – после некоторого колебания ответила Лена, – очень комфортабельный отель.

– А почему Вы как-то неуверенно это говорите? Это один из лучших отелей Хургады.

– Отель замечательный, очень красивый и удобный. Люди, которые там работают, очень вежливы, стараются сделать наш отдых приятным. Но для меня не очень подходит. Слишком шумный. Целыми ночами мои соотечественники пьют, танцуют, поют, отдыхать спокойно

невозможно. Я больше люблю маленькие отели-бутики, где мало народа, все друг друга знают, где очень спокойно и тихо.

– Мадам, в Египте тоже много таких отелей. У моего родственника недалеко отсюда тоже есть такой. Если хотите, я могу поговорить с ним, и вы сможете переехать туда.

– Спасибо, но я уже привыкла.

– Заходите ко мне еще, мадам.

– Спасибо. Ты спаха ля хир. (Спокойной ночи).

– Шукран (Спасибо).

Не успела Лена выйти из салона, как у нее зазвонил мобильник. Это был Влад.

– Ты где? Закончила свой шопинг? Уже магазины закрываются. Пойдем в Калипсо.

– Что такое Калипсо?

– Здесь недалеко, лучший ночной клуб в Хургаде, там вверху китайский ресторан есть, за стеклянной стеной, можно покушать хорошо. Давай, я за тобой на такси заеду.

– Хорошо, буду ждать на променаде перед Синдбад-парком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.